

**ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
МИФОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА ВОДЯНОЙ ДЕВЫ
В БАШКИРСКОМ НАРОДНОМ ЭПОСЕ
(на примере эпосов «АКБУЗАТ» и «ЗАЯТУЛЯК
и ХЫУХЫЛУ»)¹¹**

Н.А. Хуббитдинова

Ключевые слова: миф, эпос, художественность, функция, водяная дева.

Keywords: Myth, epic, artistry, function, water maiden.

DOI 10.14258/filichel(2021)2-12

Мифический образ водяной девы, которая априори вызывает аллюзию на традиционную русалку — деву вод с распущенными волосами и рыбьим хвостом — известен из фольклора многих народов. В суеверных представлениях этот персонаж как наводящее ужас на людей демоническое существо известен тем, что увлекает человека или сказочного персонажа на дно морское или в омут речной. Изучение данного типа мифических персонажей, отраженных в мифологическом представлении людей о хозяйке воды, которые как художественно-эстетический элемент проникли в суеверные былички или бывальщины, являются не только важной составляющей в изучении фольклора, но и вызывают интерес историков и этнографов [Померанцева, 1975, с. 4].

Интересны легенды и мифы о происхождении образа русалки в русских народных верованиях. Бытует мнение, что слово «русалка» заимствовано из балканского языка от обряда розалии. Весенние же праздники у восточных славян назывались русалиями: «отсюда и название русалок, которых в это время, по народным поверьям, можно было увидеть в воде и на деревьях» [Чжоу Яньян, URL; Женщина в мифах и легендах ..., 1992, с. 229]. Под русалками понимались некрещенные или умершие не своей смертью неотпетые женщины [Жирнова].

Привлекает внимание также описание русалки в древнекитайских поверьях. Как пишет Чжоу Яньян, их называли «цзяожэнь» — «чело-

¹¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-412-020008 «Архаический эпос башкирского народа: художественно-стилистический аспект (эпосы "Урал-батыр", "Акбузат", "Заятуляк и Хыухылу")».

век водного племени», облик которого — голова человека и тело рыбы с длинными четырьмя ногами: «Царство людей Ди находится к западу от дерева Цзянь. У его людей человеческие лица, туловища рыб и нет ног». Автор также указывает, что «позднее этот образ “водного человека” был перенесен в Японию и стал образом русалки» [Чжоу Яньян, URL].

В суеверных верованиях туркмен также известны водные существа — хозяйка воды *сув-эйеси*, русалка — *сув-периси*, водные девы — *сув-гызы*, которые также наводили ужас на людей. Чтобы умилостивить их, человек приносил им дары — *садака*. Что интересно, позже роль *сув-эйеси* начали выполнять мужчины — *сув-ага* [Атдаев, 2019, с. 64, 68]. Возможно, такие изменения вошли в традиционное сознание народа после принятия им ислама. Однако изучение данного мифологического образа в контексте именно художественно-эстетического изображения, эпической репрезентации мифологической девы вод в народном творчестве актуализирует этот аспект фольклористики и расширяет границы исследования в художественной словесности.

Предлагаемая статья посвящена не столько выявлению и изучению образа девы воды, или русалки в башкирском устно-поэтическом творчестве, сколько рассмотрению особенностей художественного изображения его в эпическом наследии народа. Примечательно, что в эпосе данный образ описывается не как злой дух, а как образ персонажа или героя, относящегося к доисламскому периоду. Он еще не пережил эстетическое переосмысление в народном культурном сознании, в его представлении об окружающем мире и трансформацию в злого существа под воздействием исламских запретов, поэтому пока еще символизирует для главного героя — эпического батыра добро и любовь. Другими словами, этот персонаж выступает не как исламизированный злой дух, нечисть, а как вполне положительный герой, точнее, героиня, которая призвана связать свою судьбу с земным юношей — *егетом*, готовым ради нее спуститься на дно озера, где она и обитает в царстве своего отца — царя-падишаха.

В башкирском народном эпическом творчестве изображение данного образа отличается от общепринятых суеверных представлений славянских народов о нем. Это дева вод — *хыухылу* — не имеет пресловутого рыбьего хвоста. Вместо него у нее обычные человеческие ноги. Образ встречается в древнем эпосе «Акбузат» и имеет собственное имя — *Нэркэс*. А в другом башкирском эпосе «Заятуляк и Хыухылу», как следует из названия, именуется как «Дева воды» — *Хыухылу*.

Башкирский народный эпос «Заятуляк и Хыухылу» является древним и популярным у башкир эпическим памятником. В нем повеству-

ется история о прекрасной любви ханского сына Заятуляка и красавицы Хыухылу — дочери царя озера Асылыкуль. Данная романтическая линия развивается на фоне проводимой в эпосе идеи консолидации разобщенных башкирских племён, призыва к прекращению межплеменных распрей и единению соплеменников.

Много-много лет тому назад между озером Асылыкуль¹² и рекой Дема¹³ жил, говорят, хан по имени Самар... Были у него две жены. От первой, говорят, родилось шестеро сыновей, а от второй, молодой жены, говорят, родился один очень красивый сын с лицом, излучающим свет, и назвали его Заятулык (с. 418)¹⁴.

Так начинается этот эпос. Конечно, сюжет произведения развивается вокруг этого самого любимого и красивого ханского сына Заятуляка. Именно ему предстояла встреча с девой вод Хыухылу. Убегая от своих корыстных и завистливых братьев, он очутился на берегу озера Асылыкуль и увидел: *...на берегу, на плоском камне, сидит водяная девушка и, распустив косы, расчесывает золотым гребнем черные волосы...* (с. 420–421).

В эпосе «Акбузат» также повествуется о любви земного юноши — егета Хаубана и девы вод Нэркэс — дочери царя озера Шулъган. Если в первом произведении герой встретился со своей неземной возлюбленной в человеческом облике, то в эпосе «Акбузат» «русалка» предстала перед своим батыром в образе золотой утки:

Как-то однажды шел он (Хаубан) по берегу озера и увидел: плавает золотая утка. Не долго думая, он прицелился и подстрелил ее, подплыл к утке и уже начал было подгонять ее к берегу озера, как вдруг золотая утка заговорила человеческим голосом... (с. 375). К следующей встрече она уже была в облике девушки:

*Красавица облик сменила —
Не уткой, а девушкой стала (с. 381).*

В художественно-эстетическом смысле в мифологических легендах и быличках всегда присутствуют схожие мотивы «внезапной встречи», которую мы наблюдали ранее, а также «опускания в подводное царство», «награды водяного царя», «...женитьбы героя в подводном царстве» и т.д. [Померанцева, 1975, с. 61]. Эта художественная особенность

¹² Асылыкуль — озеро, расположенное на западе Республики Башкортостан.

¹³ Дема — река, текущая в юго-западной части Республики Башкортостан, левый приток Белой.

¹⁴ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на страницы издания: Башкирский народный эпос: Эпос народов СССР. М., 1977.

характерна, как видим, и для башкирского эпического творчества. Так, в обоих произведениях юноши вслед за своими сужеными спускаются в подводное царство, где жизнь была построена так же, как и на земле: высились дома, царский дворец, текли ручейки, в которых плавали разные рыбки и т.д. Если в эпосе «Акбузат» Хаубан, спустившись на дно озера царя Шульган, оказывается сразу во дворце водяной девы Нэркэс, то в произведении «Заятуляк и Хыухылу» этот подводный мир описывается более подробно:

Спустившись на дно озера Асылыкуль и открыв глаза, Заятуляк увидел совсем иной, таинственный мир. На просторных лугах пасутся бесчисленные стада, в журчащих речках золотые рыбы играют, а в глубоких озерах — утки, лебеди, дикие гуси. Девушка вводит изумленного егета в свою белую юрту (с. 423).

Упоминание в эпосе подводного царства, самого водоема и «русалки» было связано с сакральным началом воды, суеверными верованиями о ней. Таковой она, к примеру, является у восточных славян, которые, как и многие другие народы, также обожествляли воду, водную стихию. Как верно отметила Э.В. Померанцева, многие обычаи и запреты, связанные с водой (бросание денег в море, источники и т.д.); которые лежат в основе суеверных рассказов о водяных и русалках, восходят к этим дохристианским культам воды [Померанцева, 1975, с. 52]. А в древнетюркском культурном сознании — к доисламской вере в силу воды и ее хозяев.

Древние славяне особенно верили в целебную, очищающую силу непочатой воды, которую набирали до восхода солнца из источника, из которого в этот день еще никто не брал воду. Больного ребенка поили непочатой водой, умывали, смачивали ручки и ножки, а остатки воды выливали под дерево. Верили, что нужно было сорок раз сходить за такой водой — тогда ребенок выздоровеет. Дополнительную силу воде придавали брошенные туда серебряные монеты, зерна, угли из печи [Левкиевская]. Вода также становилась особым символом. Он сформировался в результате жизненного опыта людей относительно воды и сакральных представлений о ней. Так, «в славянской культуре символика воды связана как с ее природными свойствами (свежестью, прозрачностью, быстрым движением и т.д.), так и с мифологическими представлениями о воде как о “чужом” и опасном пространстве» [Тресорукова, 2019, с. 8].

В башкирской народной обрядовой поэзии вода — *һыу*, как и земля — *ер*, представлялась неким божеством и также имела исцеляющую силу. Так, если заболел ребенок, то снимали его рубаху и несли к текущей воде. Действо надо было проводить вечером, перед его началом надо было бросить в воду монету как подаяние — *хайер*, приговаривая:

*Мать воды Харысэс,
Мать воды Харысэс!
Тебе платок (даю),
Мне здоровье (дай)!*

После этого три раза полоскали рубаху, возвращались домой окольным путем, затем мокрую рубаху надевали на младенца [Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор, 2010].

Как видим, вода имела исцеляющую силу, к ней человек относился доверительно и почитал ее и всю живность, которая в ней водилась. Конечно, ему, носителю знаний о сакральной силе воды, также представлялся образ ее хозяина, царя озера или девы вод — *Хыухылу*. Их мир рисовался таким же, как на поверхности земли — дворцы, реки, озера, как в эпосах «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу».

И в эпосе «Акбузат», и в эпосе «Заятуляк и Хыухылу» обнаруживается упомянутый среди прочих традиционный мотив «награда водяного царя». В обоих произведениях хозяин воды, в которую герои входят вслед за своими сужеными, делает им щедрые подарки в виде стада лошадей и различного скота. В первом эпосе говорится следующее:

Выйдя [из озера], — не оборачиваясь, пошел (Хаубан. — Н.Х.); говорят, вперед, как научила [его] утка. Как только он отошел немного, послышалось ржание лошадей, блеяние овец, мычание коров. <Потом> вдруг подул ветер, буря поднялась. Хаубану трудно стало идти. Растерялся он, не знал, что и делать. Наконец не выдержал — оглянулся назад. Посмотрел — глазам своим не поверил: из озера выходили стада, покрывая всю землю. Это был как раз тот миг, когда Акбузат показался по шею из воды. Как только заметил Акбузат, что Хаубан обернулся, снова скрылся в озере. Животные, увидев, что Акбузат нырнул, дав друг друга, все до единого тут же нырнули вслед за Акбузатом в озеро, говорят... (с. 379).

В эпосе «Заятуляк и Хыухылу» наградой водяного царя является косяк лошадей:

Заятуляк сел верхом на тулпара Акбузата, впереди себя посадил Хыухылу и, попрощавшись с водяным падишахом, они стали выбираться из озера в направлении горы Балкан. Слышит Заятуляк, как за его спиной, вспенивая бурлящее озеро, выходят из воды лошади, кричат жеребята, ржут жеребцы-вожаки, от стука их копыт дрожит земля. Не выдержав, он оглянулся назад и увидел, как из воды выходят косяк сильных лошадей... (с. 425).

Здесь так же, как и в предыдущем эпосе, герой, не вытерпев, обернулся, и лошади, не успевшие выйти из воды, испугавшись, нырнули обратно в пучину озера. А те, что успели выйти на берег, рассеялись по просторам края.

В эпосе открыто не говорится о дальнейшей судьбе этого косяка лошадей — подарка падишаха озера Асылыкуль. В этом отношении дальше всех шаг сделала литературная мысль, художественное видение эпоса в лице известного русского лексикографа и бытописателя В.В. Даля. Он создал повесть на основе башкирского народного эпоса «Заятуляк и Хяухылу» под названием «Башкирская русалка» и опубликовал в журнале «Москвитянин» (1843). Автор не только перевел на русский язык башкирский эпос, но также литературно его обработал, дополнил обширным введением, новыми сюжетными линиями, образами. Эпизод с мотивом «выхода косяка лошадей из-под воды» у В.В. Даля наделен идейно-эстетической значимостью. В частности, относительно данного эпизода в авторской повести говорится следующее: *«От этих лошадей, подарка ачулинского падишаха, произошла порода лучших димских башкирских коней», — говорит автор.* Но тут же, как бы в подтверждение реальности происходящего и призывая верить в это слушателей, далее поясняет: *«Ныне порода эта перевелась и переродилась; ныне лошади хотят корму и с трудом перемогают зиму на тебеневке да на каизе, на рублёных древесных сучьях; древняя порода, которою славились димские башкиры со времени Зая-Туляка, бывала сыта с одного гону, а корму не спрашивала»* [Даль, т. 1, 1989, с. 185]. Другими словами, В.В. Даль, добавив от себя легенду о необычности димских лошадей, их дальнейшей судьбе, как бы придерживается своего стиля бытописателя и описывает топонимику местности, этническую особенность истории происхождения того или иного явления в жизни народа.

Таким образом, оба героя из рассматриваемых фольклорных памятников получили от царя подводного мира знатные подарки. И, как видим, в обоих случаях фигурирует традиционный персонаж крылатого коня Акбузата. С ним мы впервые знакомимся в архаическом башкирском народном эпосе «Урал-батыр», в котором он обитал в небе, в верховном царстве царь-птицы Самрау. Он был подарен дочерью от брака Самрау и Солнце Хумай своему возлюбленному Урал-батыру. Этот же образ затем нашел свое изображение в рассматриваемых эпосах «Акбузат» и «Заятуляк и Хяухылу», где находим его уже в подводном царстве. Это и неудивительно, потому, что после смерти батыра коня похитил падишах Шульган — родной брат Урала. Об этом мы узнаем не из самого эпоса «Урал-батыр», в котором ничего не говорится о дальнейшей судьбе крылатого скакуна, а из эпоса «Акбузат». Вдова Урал-батыра Хумай, рассказывая Хаубану историю о жизни и геройских деяниях своего мужа, упомянула следующее:

...когда Урал-батыр умер, падишах Шульган велел похитить его Акбузата. Умерли и сыновья Урал-батыра, а водяной падишах время от времени выходил на <гору> Урал и скакал верхом на Акбузате (с. 379–380).

Все это говорит о цикличности эпосов «Урал-батыр» и «Акбузат», поскольку в последнем и сюжет, и идейно-художественные особенности, и идейно-тематическая направленность первого получили дальнейшее развитие. В эпосе «Заятуляк и Хыухылу» образ данного крылатого коня нашел свое художественное прочтение как традиционный образ, вызывающий лишь аллюзию на Акбузата из упомянутого архаического эпоса.

Как видим, девы вод в башкирском эпосе не изображаются как злые водяные-демоны, характерные для традиционных сакральных верований народа. Это объясняется тем, что они являются положительными эпическими героями, относящимися к доисламскому периоду народных суеверий, когда все хозяева гор, лесов, рек, околodomашнего мира входили в пантеон положительных божеств. Такую же картину мы наблюдаем в древнеславянских верованиях, когда с внедрением всем некогда положительным, добрым языческим божествам, различным хозяевам и духам стали навязываться злые демонические черты, уродливость внешнего вида и характера. [Мифы древних славян, 1993, с. 3]. Или же когда-то почитаемые языческие боги, которых народ не хотел забывать, были успешно «христианизированы» и трансформированы, например, в Георгия-победителя, бог грозы — в Илью, многочисленные боги плодородия — в Богородицу и т.д. [Элиде, 2001, с. 11; Хуббитдинова, 2011, с. 25]. Таковыми они стали и в башкирском устно-поэтическом творчестве, в мифологическом воззрении народа после принятия ислама.

Таким образом, и Нэркэс, и Хыухылу изображаются в эпосах как дочери царя озера — Шульгана и Асылыкуля соответственно. Они по своему характеру не зловредные, наоборот, приветливые и ласковые. Более того, становятся женами главных героев, одаривают их разными подарками. Следовательно, эти мифические существа — дочери хозяев вод, падишахов озер, по природе своей относятся к более древнему, доисламскому периоду, демонстрируют традиционный народный характер. В художественно-эстетическом плане они выполняют важные функции, направленные на раскрытие образа и характера героев эпосов — Хаубана из «Акбузат» и Заятуляка из «Заятуляк и Хыухылу». В первом судьба Хаубана, потомка Урал-батыра, также складывается «удачно» в союзе с мифическим существом — девой вод Нэркэс, появившейся, как и Хумай — супруга Урала, в образе птицы. Именно она одаривает его крылатым скакуном Акбузатом — верным спутником его

прадеда Урал-батыра. Наблюдается повторяемость, цикличность, интертекстуальность образов и мотивов в известных эпосах — «Урал-батыр» и «Акбузат». Дева Хыухылу из другого эпоса является необычной невестой эпического героя — ханского сына Заятуляка, рожденного в любовном союзе своих родителей, а потому являющегося любимым сыном и наследником ханского рода. Этим подчеркивается необычность его самого не только как особенного и любимого сына и наследника, но и справедливого правителя, которым он становится позже. Возвеличивание народом чувств любви и преданности двух любящих сердец позволило усилить романтично-чувственное начало эпических памятников.

Библиографический список

Атдаев С.Дж. Русалки и водяные девы — сув-периси в традиционном представлении туркмен // Народы и религии Евразии. 2019. №1 (18).

Жирнова Г.К. Образ русалки в мифах, легендах и произведениях русских писателей. URL: <http://festival.1september.ru/articles/557136>.

Левкиевская Е.Е. Мифы и легенды восточных славян. М., 2010. URL: <https://kartaslov.ru>.

Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.

Хуббитдинова Н.А. Художественное отражение фольклора в литературе XIX в. (к проблеме русско-башкирских фольклорно-литературных взаимосвязей). Уфа, 2011.

Чжоу Яньнянь Образ «美人鱼 / русалка» в русской и китайской традиции: общее и особенное // Научный диалог. 2017. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-rusalka-v-russkoy-i-kitayskoy-traditsii-obschee-i-osobnoe/viewer>

Элиде К.П. Аспекты мифа. М., 2001.

Источники

Башкирский народный эпос: Эпос народов СССР. М., 1977.

Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Р.А. Султангареева и А.М. Сулейманов. Уфа, 2010.

Даль В.И. Башкирская русалка // Башкирия в русской литературе : в 6 т. Т. 1. Уфа, 1989.

Женщина в мифах и легендах : энциклопедический словарь. Ташкент, 1992.

Мифы древних славян. Саратов, 1993.

References

Atdaev S.J. *Rusalki i vodyanye devy — suv-perisi v tradicionnom predstavlenii Turkmen* [Mermaids and water maidens — suv-perisi in the traditional representation of the Turkmen]. In: *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia]. 2019. No. 1 (18).

Zhirnova G.K. *Obraz rusalki v mifah, legendah i proizvedeniyah russkikh pisatelej* [The image of a mermaid in myths, legends and works of Russian writers]. URL: <http://festival.1september.ru/articles/557136>.

Levkievskaya E.E. *Mify i legendy vostochnyh slavyan*. M., 2010 [Myths and legends of the Eastern Slavs]. URL: <https://kartaslov.ru>.

Pomeranceva E.V. *Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klоре* [Mythological characters in Russian folklore]. M., 1975.

Tresorukova I.V. *Semantika simvol' nogo komponenty` NEPO 'voda' v novogrecheskoj frazeologicheskoj kartine mira* [Semantics of the symbolic component of NEPO 'water' in the modern Greek phraseological picture of the world]. *Filologiya i chelovek* [Philology and man]. 2019. No.4.

Hhubbitdinova N.A. *Hudozhestvennoe otrazhenie fol'klora v literature XIX v. (k probleme russko-bashkirskih fol'klorno-literaturnyh vzaimosvyazey)* [Artistic reflection of folklore in the literature of the XIX century (to the problem of Russian-Bashkir folklore and literary relationships)]. Ufa, 2011.

Elide K.P. *Aspekty mifa* [Aspects of the myth]. M., 2001.

List of sources

Bashkirskij narodnyj epos: Epos narodov SSSR [Bashkir folk epic: The epic of the peoples of the USSR]. Moscow, 1977.

Bashkirskoye narodnoye tvorchestvo. Obryadovyy fol'klор [Bashkir folk art. Ritual folklore]. Comp., Ed. entry Art. and Comments by R.A. Sultangareev and A.M. Suleimanov. Ufa, 2010.

Daľ V.I. *Bashkirskaya rusalka* [Bashkir mermaid]. In: *Bashkiriya v russkoj literature* [Bashkiria in Russian literature]. Vol. 1. Ufa, 1989.

Zhenshchina v mifah i legendah: enciklopedicheskij slovar' [Woman in Myths and Legends: An Encyclopedic Dictionary]. Tashkent, 1992.

Mify drevnih slavyan [The myths of the ancient Slavs]. Saratov, 1993.